
Вера Платонова
ВЕДЬМА В 45, или
допрыгался,
козёл!

Вера Платонова

Ведьма в 45, или Допрыгался, козёл!

«Автор»
2026

Платонова В.

Ведьма в 45, или Допрыгался, козёл! / В. Платонова — «Автор», 2026

В день своего рождения Валентина случайно превращает неверного мужа в козла. Буквально.Так всплывают дремавшие в ней ведьмовские силы, и спокойная жизнь летит кувырком.Выясняется, что заколдовать-то легко, а вот расколдовать — уже задачка.Почему странные незнакомцы вдруг начинают проявлять к ней нездоровый интерес?Сумеет ли Валентина совладать со свалившейся на голову магией?Что, в конце концов, отвечать дочери на вопросы "как папа" и "почему он трубку не берёт"?И можно ли отыскать женское счастье среди лиц "потусторонней" национальности?Хорошо хоть верная подруга рядом — с ней не пропадёшь!

© Платонова В., 2026
© Автор, 2026

Вера Платонова
Ведьма в 45, или Допрыгался, козёл!

1. С Днём рождения меня!

Телефон на прикроватной тумбе жужжит и пляшет ламбаду, спросонья шарю по поверхности рукой. Не снимая маски для сна, мажу пальцем по экрану, принимая звонок, и сиплым голосом шепчу:

– Да, алё!

– Валентина, с днём рождения, с юбилеем, моя юная земляничка! Ягодка, как говорится! – Адкин голос я узнаю из миллиона других. Во-первых, он очень глубокий, а во-вторых, ну очень громкий.

– Спасибо, дорогая! Ты как? – старательно улыбаясь в трубку, молюсь, чтоб она только не начала петь песню. Нет, ПЕСНЮ. Голосище-то у неё ого-го какой мощный, а вот с музыкальным слухом дела обстоят потруднее, но Адку это никогда не смущало. Впрочем, как и звонить людям ни свет ни заря.

– *С днём рождения, успехов, радости, везения! И чумового настроения!* –* орёт подруга в трубку, испытывая мои барабанные перепонки на прочность, поэтому отдаляю телефон от уха. Зычный голос кувалдой долбит по мозгу. Господи, сколько ж времени? И восьми утра нет.

– Надеюсь, я поздравила первая?! Или Колясик уже успел одарить?

– Не, Ад, ты первая, спасибо! Спасибо, моя хорошая! Коля с шести уже на работе, вызвали опять. Что-то там слетело, полетело в очередной раз. Вечером в ресторан пойдём.

Голос Адки становится загадочным и радует тихой глубиной:

– Вечером – это хорошо. Не терпится подарить подарок! – мурлычет она, и этот вот таинственный «подарок» звучит несколько пугающе.

Адку я, конечно, люблю, это энерджайзер, вытаскиватель меня из депрессий в уютные кафешки и весёлые караоке, в целом, человек-праздник, но иногда её бывает так много, что – перебор.

Муж мою подруженьку, к слову сказать, на дух не переносит.

С Колей мы живём душа в душу уже больше двадцати лет, как поженились, так и живём. Как любят говорить женщины, сохранившие многолетний брак: всякое бывало. Дважды я его ловила на измене так, что и доказательств не требовалось. А сколько было мелких эпизодов, когда лишь интуиция трезвонила, а за руку не пойман… А так он у меня хороший! Ну как хороший, – кобель, будем честны! Всегда любил женское внимание, заряжается он от него. Да и мужчина он видный, симпатичный, высокий, возраст ему только импозантности добавляет. Оба раза я подавала на развод, но останавливалась на самом краешке. То дочь наша, Настёна, была ещё мала, а росла она очень нервной и тревожной девочкой, и мне не хотелось её травмировать, в другой раз уже простила по собственной слабости (мудрости?) – сильно Николай плакал и винился, в ногах лежал. Вот и дрогнула. Но не забыла ни-че-го. Правда, справедливости ради, скажу, что со временем он притих, успокоился, одомашнился.

Задумалась, а Адка тем временем всё поздравляет.

– Я к тебе сегодня заскочу!

– Только, Ад, давай пораньше.

– А Настасья приехала?

– Настя позвонила, поздравила, сертификат отправила электронный на какой-то «Воздушный улёт». Мать же, в её понимании, скучно живёт! Практика у неё в больнице, третий курс меда, самый тяжёлый. Поэтому приедет позже.

– Ясно. Но я-то не подкачаю, жди!

Печально гляжу на экран смартфона. Будильник на сегодня отключен, хотела поспать подольше. Я же каждый год освобождаю 6 декабря от клиентов – никаких массажей. Разве что только мне.

Но теперь уже сон не идёт, капризный стал, чтоб его. А у меня здесь и шторы «блэкаут», и маска для сна, чтобы наверняка ни единый фотон не коснулся век и не нарушил мой хрупкий покой. На ночь, Валь, будь лапой, принимай мелатонин, укрывайся тяжёлым одеялом, телефон постарайся убрать на тумбочку как минимум за час до объятий Морфея. И я все это стараюсь делать, но с последним пунктом всё чаще грешу – люблю позалипать на дурацкие короткие видео в соцсетях и посмеяться.

И в какой момент из женщины, которая могла вырубиться стоя, оперевшись о поручень в трамвае, я превратилась в неженку, для которой уснуть – это проблема?

Вот и сейчас, потеряв надежду доспать, полежала с телефончиком в руках да поднялась с постели: мир собой радовать и украшать.

Быт в моей жизни давным-давно отлажен до миллиметра. Я на своей кухне царица и властительница, что хочу, то и ворочу. Но, как правило, я не ворочу ничего такого, что может слишком нарушить порядок. Властительнице же потом самой и убирать последствия. Наэкспериментировалась.

Кофеварку с закрытыми глазами на кухне могу включить! Хоп! Вот, блин. Нужно перезаряжать. Закончились зёрна. Заправляю.

9:00 на часах. Аппарат привычно разгоняется, гудит, гудит, потом почему-то начинает тоненько посвистывать. Раньше такого не было. На плите в пашотницах варятся два яйца. Половинка авокадо лежит на тарелке, сбрызнутая соевым соусом и каплей лимонного сока. А кофемашина свистит уже похлеще Соловья-Разбойника.

– Эй! – строго говорю я своей любимице. – Ты чего там?

– Пфуть! – плюёт она в меня облаком пара оттуда, откуда обычно кофе в чашку выбегает, и я понимаю, что дело худо.

Остервенело тыкаю на кнопку «выкл», все индикаторы разом мигают красным. И я бы рада выдернуть из розетки эту адскую машину, но Коля убрал шнур так хорошо, что вилку нужно искать за стенкой кухонного шкафа исключительно наощупь. В итоге бегу в коридор и вырубаю рычажки счётчика, на всякий случай все разом, чтобы не ошибиться.

Демонические звуки из кофемашины прекращаются. Крадусь к ней, как затаившийся тигр, и, вытянув шею, высматриваю, что ж я не так-то сделала? Уже не первый раз меняю расходники. Аппарат выдаёт мелкую дрожь, а затем – фонтан из сливочной пенки прямо мне на голову.

– Хэппи бёздэй меня! – гляжу я в зеркало на жалкую тетёньку в хэбэшной пижамке, убирающую сползшую на лоб белую пенку.

И именно в этот момент по квартире разливается соловьиная трель беспроводного звонка. Неужели Ада уже прикатила? А больше я никого и не жду.

В кругляшке «рыбьего глаза» стоит человек с букетом, похоже, курьер. Сразу отмечаю про себя, что жёлтые цветы – мои нелюбимые. Надеюсь, Коля не догадался такие отправить, иначе настроения сегодня не будет ни у кого!

Размазав жирную пену по голове и зачесав кое-как волосы назад пальцами, а пальцы вытерев уже о штаны, открываю и принимаю доставку. Позади курьера слышу топот и шебуршание, а следом Адкино пыхтение.

Идёт моя красавица пешком на пятый этаж.

– С днём рождения! – кричит она и машет пакетиками, завидев, что я торчу на площадке и жду её. – Лифт у вас сломался! Фух! О, цветы, от кого?

Заходит в квартиру и ведёт носом:

– А чем так воняет, фу! – оценивающе глядит на меня.

«Уж не яйцами ли пашот?» – проносится у меня в голове.

– Выглядишь ты, конечно, под стать имениннице: как птенец, только что вылупившийся из яйца! – сообщает Адка и протягивает мне в руки маленький пакетик с подарком.

Я же стою и пялюсь в карточку, приложенную к восьми унылым жёлтым хризантемкам:

«Дорогая Валентина, поздравляю Вас с Днём Рождения! Желаю Вам начать новую жизнь, избавившись от пустой шелухи прежней. Вы вправе знать, что Ваш супруг Николай уже более полугода живёт на две семьи. Убедиться в этом вы можете лично, явившись сегодня по адресу: ул. Кольцевая, дом 17, квартира 61. Код домофона #196. Постарайтесь прийти до обеда! С уважением, Алла Т.»

2. Ну держись, Коля!

– Валь, Валентина-а! – щёлкает Ада пальцами у меня перед носом, другой рукой кладет шоколадный трюфелёк в рот. – Ты как?

Я к тому времени с тюрбанчиком из полотенца на голове уже машинально ковыряю авокадо, сидя за столом.

– Нормально, – мрачно отвечаю, сама не понимая толком, что чувствую. А чувствую я полный предел. Всё! Заполнилась до краёв я: дальше некуда. И лет десять назад, как была бы в тапках и пижаме, так бы и рванула на эту улицу Кольцевую, выяснять: правда в записке или… Да, конечно, правда.

– Поедем? – уточняет она.

Я жму плечами.

– А надо позориться?

– А чего сразу позориться? А вдруг – это шутка и там никакой любовницы нет, а Николай тебе устроил романтИк? Лежит там в семейных труханах и розу в зубах держит! А к спальне дорожка из лепестков ведёт. И свечи, свечи…

– Вряд ли. Он не носит семейники, я ему «боксеры» покупаю.

Мы какое-то время молчим, потом тишина прерывается Адкиным пением:

– Николай, Николай, до чего же кобеляй!

А затем я решаю:

– Едем.

Чайник на подставке закипает по второму кругу и вдруг выдаёт искру, клуб дыма и замолкает. И этот туда же!

– Валь! – тянет Ада.

– Чего?

– А у тебя «травмат» есть? Или, на худой конец, бита?

– Совсем больная? Откуда у меня оружие? Биты тоже нет. Ракетки есть для бадминтона.

– Бита, конечно, посолиднее, но тащи, сгодятся! – приходит Адка к выводу и закидывает очередную конфетку в накрашенный тёмно-вишнёвой помадой рот.

Через двадцать минут мы в тёмных солнечных очках и тёплых куртках, держа в руках по сетчатой ракетке, грузимся в такси. На улице трещит хорошенький декабрьский мороз. Таксист поглядывает на нас в зеркало заднего вида с опаской.

– Кольцевая, 17? – уточняет он.

– Угу, – бросает Аделаида важно.

– Ага, – подтверждаю я.

– А где, воланчик, спортсменки? – решает разрядить обстановку водила, но Ада бросает на него такой взгляд, что дальше едем в тишине. За триста метров до адреса водитель начинает заметно нервничать, затем берет вправо и прижимается к обочине.

– Что-то тормоза западают, дальше не поедем, я прошу прощения, девчат! Опасно.

Мы смотрим по приложению с картой маршрут до нужного адреса, натягиваем шапки и нехотя покидаем тёплый салон. Как назло, близкого пешеходного перехода здесь нет, приходится давать крюк. Местами скользко, неудобно, холодно. Светофоры-подлецы сговорились и не желают работать. И я чувствую, как внутри меня, из самых недр, поднимается клокочущая ярость. И эта ярость усиливается с каждым шагом, приближающим меня к цели.

– Кольцевая, 17! – торжествует Адка, сотрясая воздух ракеткой и щурится, разглядывая табличку у входной двери. – У нас третий подъезд!

Я чётко набираю код домофона, и дверь открывается мгновенно.

– Какая заботливая! – оцениваю я предусмотрительность некой Аллы Т., той самой, что послала мне письмо.

– А что так темно-то? – возмущается Адка. – Хоть глаз выколи!

– Очки сними! – подсказываю я.

– А, точно! – слышу позади.

И уже мчусь по лестнице на третий этаж, позади разъярённым носорогом пыхтит Аделаида. На площадке почему-то пахнет пловом.

– Я бы щас навернула тарелочку! – мечтательно вздыхает она.

Но нам не до того. У нас дело.

– Ракетки к бою! – командую, а Адка несколько раз настырно тычет пальцем в звонок.

Мы слышим, как в квартире с пластиковым серебристым номером «61» раздается трескучее «дзынь-дзынь-дзынь».

– Здравствуй…те! – открывает нам дверь далеко не юная дева с золотисто-рыжими волнистыми волосами по плечи, облачённая в шёлковый халатик с широкими рукавами а-ля «райская птица», и беззаботная улыбка быстро съезжает с её лица. – А где суши? А вы кто такие?

– Смотри-ка, Валь, сама пригласила и позабыла! – Адка могучей грудью оттирает мадам внутрь небольшой квартирки. Я двигаюсь следом, выискивая глазами своего ко… Колю. Николая-Кобеляя, чтоб его. Слышу, как подруга спрашивает:

– Записку с хризантемами отправляла?

– Какую записку? – недоумевает женщина, и мы с Адой вдруг начинаем чувствовать себя дурами. А вдруг это вообще глупая шутка? Это просто чья-то чужая квартира!

– Вы что тут делаете? – хозяйка жилища начинает нервничать, кричать и грозится вызвать полицию.

Из дальней комнаты выруливает мой благоверный, столкнувшись со мной почти нос к носу, замирает сусликом на месте.

– Ох, ты ж дря-я-янь! – протягивает Ада, неведомо кому: Николаю или Алле Т.

Я смотрю на своего родного муженька в огромных семейниках, подаренных ему, видимо, «второй» женой, и от брезгливости даже чувствую спазм в горле.

– На работе, значит? – рассекая воздух ракеткой, аки самурайским мечом, делаю шаг вперёд, прижав этого «донхуана» к двери, ведущей, надо полагать, в санузел. – Всё слетело, полетело, говоришь? Ну хоть не упало?

– Валюша, я всё тебе сейчас объясню, – выставляет он ладони вперёд, защищаясь. – Ты только успокойся, хорошо?

– Я — «успокойся»? – повторяю с вызовом, а затем с кривой улыбочкой: – Я споко-ой-на!

– Коль, эт чего, жена твоя? – доносится словно сквозь туман голосок Аллы Т.

– А то ты не в курсе! – слышу уже Аделаиду.

А у меня столько обиды на этого вруна, подлеца, кота помойного, так мне себя жалко, так за себя и за жизнь свою печально, что больше всего я сейчас скорблю о собственном приличном воспитании. Даже матом не могу его как следует отходить. И, замахнувшись ракеткой, произношу со всей возможной горечью:

– Ну ты, Коля, и козёл!

Коля, вместо того, чтобы защититься, вдруг выкрикивает лишь невнятное «Ме» и начинает выдавать какие-то чудные спецэффекты.

Молочно-золотистое сияние возникает из ниоткуда и начинает окутывать его с ног до головы, и я моргаю: не чудится ли мне?

В душной квартире, несущей в себе запахи еды, ополаскивателя для белья, пыли и бог ещё знает чего, появляется морозный аромат, точь-в-точь как у простыни, занесённой в дом с улицы зимой, когда по ней кулаком постучать можно.

Я оборачиваюсь взглянуть на Аду, чтобы понять, видит ли она то же самое. По шокированным лицам подруги и «райской птицы» Аллы Т. понимаю, что они удивлены не менее моего.

Снова поворачиваю голову к мужу: сияние уже опадает золотыми хлопьями и растворяется в воздухе, а вместо Николая, на том же самом месте стоит белый, бородатый, весьма крупный и очень рогатый КОЗЁЛ.

3. Коля, будь человеком!

Я, как в дурмане, вытягиваю руку вперёд и опасливо трогаю мягкий бок: тёплый, шерстяной. Настоящий!

Только что вот тут стоял мой непутевый и ненавистный муженёк, а теперь вот он — козёл. Я натуральных козлов-то последний раз лет пять назад видела на экоферме, а тут стоит посреди коридора в обыкновенной городской квартире. Здоровый такой, на меня глядит своими жутковатыми прямоугольными зрачками, и будто ещё немного светится по контуру, только уже неоново-голубым, как рекламная вывеска.

Первой голос подаёт, как ни странно, «птица райская», она взмахивает руками-крыльями и восклицает:

– Коля! Коленька! Что ты с ним сделала? – вопрошает у меня. А я откуда знаю? Я лишь пожимаю плечами.

Даже Адка, обычно скорая на язык, вдруг не знает, что сказать и только глазами хлопает. Она подходит ближе и осматривает Кольку-козла со всех сторон, как обычно новую машину оглядывают или другое крупное приобретение.

– Однако, – констатирует она озадаченно.

Я на всякий случай заглядываю в ванную, туалет и спальню: ну мало ли, может быть, Николай меня одурачил в очередной раз? Сам в комнате спрятался, а мне козла со спецэффектами подсунул? Но талантов Копперфильда я за супругом не замечала, впрочем, как и того, что он полгода налево ходит…

В комнате никого. Постель разостлана, на тумбочке у кровати поднос стоит с начатой бутылкой вина, бокалы, фрукты. Всё как положено. Я-то думала, наивная женщина, у него темперамент с возрастом поутих, а вот оно что. Сытый домой приходит! Вот и сегодня бы вечером после ужина в ресторане, поцеловал бы меня в макушку, мол, «Спокойной ночи, дорогая» – и на боковую.

– Слышь ты, я спрашиваю, ты чего с ним сделала? – налетает на меня в край озверевшая «птица» и дёргает за куртку.

– Эй! – ворчит на неё предостерегающе Аделаида.

Я же стаскиваю с себя парку и сую подруге со словами:

– Подержи-ка.

– Валь, полегче! – Адка начинает беспокоиться.

Поднимаю с пола выпавшую из рук ракетку и иду на любовницу моего законного супруга с уверенностью ледокола.

– Ой, – рыжая передумала со мной связываться и даёт заднюю.

Но я настигаю её и, хлопнув ракеткой по заду, остервенело тащу на себя за халат, раздается треск ткани.

– Иди сюда, су…

– Валя, не произноси ничего! – орёт Адка и закрывает мне рот ладонью.

– Фу… фука, – ругаюсь я в её не самую чистую ладошку. – Тьфу, ты чего?

– Я полицию вызову, – шмыгает носом Алла Т., а затем с криком: «Соседи, на помощь!» бежит ко входной двери.

– Дзынь-дзынь, – дважды коротко трещит звонок.

Мы замираем и переглядываемся, Колька жалобно произносит:

– Ме-е-е!

– Я буду кричать! – предупреждает нас Алла Т.

– Тихо будь! – грозится Адка ей своей ракеткой и выглядывает за дверь. Через минуту оборачивается:

– Роллы оплачены?

– Ага, – грустно шепчет хозяйка квартиры.

– Давайте, – Адка забирает шуршащие пакетики и радостно улыбается нам. – И горяченькие есть!

Через минуту мы втроём вполне мирно сидим на уютной, но, между нами говоря, совершенно безвкусно обставленной кухне и едим, как в последний раз в жизни. Я после утренних трех ломтиков авокадо наворачиваю «Филадельфию», откусывая, как бутерброд. Адка налегает на «темпуру».

– А ничего, что это не для вас заказано? – буркает мадам.

– Давно вы с Николаем, Алла? – интересуюсь я, пропуская мимо ушей её невнятное замечание.

– Давно, – отвечает, ведя оголённым плечиком, ибо одно «крыло» от халата я оторвала. – Любит он меня, а я его. А как вы узнали? Нет, это даже к лучшему… Хотя…

Она бросает взгляд на Кольку, мирно жующего салфетку с микроволновки.

– Надо же! – саркастично восклицаю, но обида душит.

– Хорошие роллы, что за доставка? – Адка аж чуть ли не мурлыкает от удовольствия. – А то, что Николай женат, вас, Алла, не смущало?

– Главное, что я свободна! Он же не телок на верёвочке, чтоб его против воли тащить к себе в постель…

– Не телок, – подтверждаю я, разглядывая козла. – Тут другой вид рогатого скота.

– А вы, Валентина, ведьма, да? Это так называется? – уточняет она аккуратно.

– Я? – чуть не давлюсь от удивления. – Да прям! Что за бред! Хах!

– Валь, – серьезно глядит на меня Аделаида. – Вообще-то он козлом стал не сам по себе.

– Это совпадение, – отвечаю безапелляционно.

– Совпадение с чем? С тем, что ты его козлом назвала?

Колька «подмекивает», словно соглашается.

– Ты чего, Ад? – я аж подскакиваю с табуретки в волнении и оправдываюсь. – Да сегодня день такой! Сама видела, светофоры не работают, кофемашина сломалась, чайник туда же! Магнитные бури!

В подтверждение моих слов в квартире резко стихает привычный и мерный гул электроприборов, холодильник делает «быррр» и замолкает.

– Пробки выбило? – растерянно говорит Алла и бежит к щитку в подъезде. Электричество возвращается к жизни, кроме холодильника.

– Сколько лет тебе, любовница моего мужа? – я чувствую, что вдруг разговариваю и веду себя в целом как распоследняя стерва. Если рассуждать по справедливости, у меня есть на это моральное право, но с другой стороны… Я ли это?

– Тридцать девять, – сообщает Алла.

– Ну и как? – обращаюсь я к Адке. – Я сильно старше выгляжу? Только честно!

– Да плюс-минус одинаково! – машет она рукой, забирая последний ролл с пластикового поддончика.

Алла, судя по всему, с таким выводом не согласна.

– Врёшь? – кошусь на подругу. – Шесть лет разницы!

– Дело вообще-то не во внешности! – изрекает, нахохлившись, Колькина пассия.

– Ну-ка, просвети-ка в чём: техники, может, какие знаешь? – начинаю я разгоняться.

– Тихо! – рявкает Адка своим мощным голосищем. – Не начинайте! У нас проблема. Давай, Валь, скажи Николаю, что он человек. А дальше уже разбирайтесь.

– Коля! – зову я, и козёл поворачивает на меня свою бородатую морду. – Ты человек!

Колька согласно трясёт бородёнкой, но человеком от этого не становится.

– Тащите его в коридор, там место силы! – озаряет меня гениальная догадка. – Вот туда, к двери туалетной ставьте. Где моя ракетка?

Кольку тащить не нужно, он сам послушно встаёт на исходную позицию. Я замахиваюсь ракеткой, как и тогда, и восклицаю с чувством:

– Ну ты, Коля, и человек!

– Ме-е! – печально блеет в ответ неблаговерный.

Какое-то время я повторяю этот процесс, варьируя слова и взмахи руками, но всё без толку.

Затем Адка занимает моё место и пытается убедить Николая в его человечности.

В конце концов, Алла начинает трястись в рыданиях и причитать.

Я растерянно гляжу на Аделаиду, та точно таким же взглядом отвечает мне…

4. Абсолютно точно!

Вы когда-нибудь занимались перевозкой козлов по городу? Вот и мы впервые. Не скрою, был соблазн оставить Николая пастись на квартире у «второй жены», но после короткого совещания мы с Аделаидой решили, что надо вывозить животное по месту прописки и продолжать попытки возвращения ему человеческого облика.

Как бы ни обидел он меня, а всё же человек, с которым мы и огонь, и воду... В общем, проросли корнями за столько времени, такое за раз не вычеркнешь. Да и слишком суровое наказание! Другой вопрос, что как только обернётся человеком, так сразу разведёмся, теперь уже точно и бескомпромиссно.

И вот, финально навалив на придверный коврик Алле Т. знатную кучу, Николай едет в застланном брезентом багажнике раздолбанного универсала, мы с Адкой переглядываемся на заднем сидении, то истерично хихикая, то впадая в уныние. Тройной тариф – водителю на карту! Коля становится мне слишком дорог.

– А зачем его обратно превращать? Он же умный, всё понимает. Можно шоу-программу с ним показывать в цирках, театрах, детских садах, – рассуждает Адка.

– А, кстати, – я задумываюсь. – Он может примеры решать, маркер в зубы брать и писать на доске ответ. Высшее образование всё-таки! Инженер-разработчик!

Какое-то время мы усердно подсчитываем в уме, сколько прибыли можно получить за одно выступление в детском саду или школе, если с каждого ребёнка брать по сто пятьдесят рублей.

– Неплохо, – кивает Аделаида, – но лучше по двести. Всё же эксклюзив.

В зоомагазине у дома разживаемся брикетами сена с пометкой «для кроликов», в овощном – кочанами капусты и морковью.

– Эх, Коля-Коля, – гляжу я на наше с ним отражение в зеркале встроенного шкафа-гардероба, – в кого же ты превратился? И чего тебе в жизни не хватало?

– Ме-е-е!

Вспоминаю, что Адкин таинственный подарок я так и не посмотрела: не до того было.

– А вот зря! – Аделаида отыскивает в углу коридора свой подарочно-передарочный пакет и отдаёт мне: в нём лежит что-то тяжёлое. Вынимаю небольшую, но увесистую коробку. – Нам как раз будет в тему! С днём рождения!

– Что это? Лампа? – гадаю, пока освобождаю объект от плёнки-пупырки. – Что-то из посуды? Керамика?

В коробке лежит полупрозрачный стеклянный шар и гора разных бумажек.

– Магический шар? – поднимаю брови удивлённо. – Интересно. Мало в моей жизни сверхъестественного!

– Так совпало, – хихикает Аделаида. – Это не дешёвая стекляшка из магазина игрушек, а заговорённый шар берегини Аксиньи.

Понятно, Аделаида каждый вечер смотрит шоу по нашему красноярскому ТВ-каналу, где пиарится местная гадалка. Она там на телефонные звонки отвечает и даёт советы людям по дате рождения. Как по мне, – так исключительно пальцем в небо попадает. И неслабо зарабатывает ещё на продаже амулетов и разной эзотерической прибамбастики. Сколько Ада заплатила за эту стекляшку, боюсь предположить.

– Ну спасибо, спасибо, – притулив подарок на полку, делаю благодарный вид и занимаюсь нарезкой капусты на крупные куски.

– Ешь давай, – угощаю Кольку. В козлином образе на него и злиться-то трудно. Николай хрустит листвой, а я грозно добавляю: – Только смотри мне, квартиру где попало не минируй, не то пакет к заду привяжу!

– А может, его выгуливать надо? – предполагает Адка.

Я представила, как выгуливаю Кольку на площадке за домом. Так и вижу эту картину: соседка из квартиры напротив со своими шпицами, бабушка с тойчиком, спортсмен из второго подъезда с лабрадором и я с козлом! И надо полагать, с совковой лопатой в придачу.

– Надо было его рыжей оставлять! – я вдруг понимаю, какую проблему заимела. Коля обиженно на меня косится, но продолжает жевать капусту.

– Добрая ты, Валюшка! – вздыхает Адка, очищая себе кочерыжку. – Ну давай, опробуем скорее.

– Чего?

– Шар!

– Ад, ну ты, правда, веришь, что он заговорённый?

– Веришь – не веришь, а давай сюда инструкцию. «Чтобы получить ответ Вселенной, задайте шару вопрос, требующий ответа “да” или “нет”», – бормочет Адка под нос себе текст с распечатанной на обычном принтере бумажки.

– Давай сначала проверим: правду он говорит или нет? – предлагаю я. – Ну-ка, – беру шарик с деревянной подставки. – Меня зовут Марина?

– Подожди, – шикает Адка. – Тут написано, что проверки могут оскорбить шар, и он перестанет отвечать.

– Скажите, пожалуйста! Какой обижуля!

– «У шара может быть только один хозяин», – продолжает она читать. – То есть ты. Ты задаёшь вопросы!

– Ну хорошо. Ответь мне, шар, – торжественно провозглашаю я, а затем прыскаю со смеху:

– Кому сказать, чем занимаемся на старости лет! Две тётки!

– Поуважительнее! – призвала Адка меня к порядку. – Давай.

– Многоуважаемый шар, – повторяю, – вернётся ли мой супруг Николай в человеческое обличье?

Трясу. Жидкость внутри шарика мутнеет, в центре что-то начинает крутиться. Тю! Да это же простецкая штука: внутри шарика – жидкость, в ней плавает лёгкая пирамидка, на которой написаны разные варианты ответов. Пирамидка ещё несколько раз покачивается, и к выделенному в кружок окошку приближается следующее: «Ответ неясен».

– Ответ неясен! – читаю я для Адки. – Так и я умею предсказывать.

– Давай ещё что-нибудь! – Аделаида не отступает. – Спроси, существует ли магия?

– Так-с, уважаемый шар, существует ли магия?

«Абсолютно точно»

Ерунда какая, а мурашки по телу так и бегут!

– Есть ли способ расколдовать Колю обратно?

«Да»

– Я знаю, знаю этот способ?

«Ответ неясен»

– Я его превратила в козла? – спрашиваю, а у самой поджилки сжимаются, а ну как скажет, что я виновата?

«Абсолютно точно»

– А! – подскакивает Адка на стуле. – Говорила же!

– Кому ты веришь? Булькающей внутри шарика пирамидке?

– Тише, обидится же! Спроси, существуют ли инопланетяне?

– Ада! – рявкаю я на неё с укором. – У нас Колька окозлел, а мы всякой ерундой маемся! Ладно. Уважаемый шар, существуют ли инопланетяне?

«Я устал, спросите позже».

– Вот, до чего довела, а! – я даже расстроена и глажу шарик по тёплому от моей руки боку. – Прости её, дружочек. Ты что там делаешь?

Адка что-то усердно гуглит, затем набирает номер и куда-то звонит.

– Ты кому? – шёпотом спрашиваю я. Подруга прикладывает палец к губам.

Слышу, как приятный девичий голосок произносит стандартную офисную формулировку отдела продаж, Адка тут же реагирует:

– Девушка, хочу записаться на консультацию. Сколько будет стоить? Это ученик? А если сама берегиня-матушка Аксинья? Сколько?

Судя по Адкиному лицу, названная сумма её отрезвляет. Или… нет?

– Да, хорошо, записывайте на приём, когда свободно?

Она нажимает кнопку громкой связи на экране смартфона, и я слышу уже отчётливо дальнейший разговор.

– Вообще, у матушки-берегини всё расписано до минуты на три месяца вперёд, – сладкий голос льётся из телефона. – Но я чувствую, что ваш запрос слишком важен, Вселенная вам благоволит с решением именно сегодня, могу предложить на 19:30? Вам подойдёт?

– Давайте!

Я кручу пальцем у виска: вот полоумная! Адка тем временем с довольным видом убирает телефон и благостно складывает руки на столе.

– Ну и что? Ну и зачем?

– А затем, что вопрос нужно изучить предметно. Покажем тебя берегине-матушке Аксинье! Пусть скажет, есть в тебе магические силы или нет? Она ж всё чувствует! И заодно, как Николая расколдовать, спросим. Вселенная как раз благоволит!

– И сколько стоит приём? – спрашиваю, а сама думаю, что тысяч пять рублей – это ещё сносно, а за большую сумму меня уже жаба задушит.

– Вообще тридцать, тихо-тихо, – Адка говорит слишком быстро, – именно сегодня мы попали на скидку, аж вполовину, поэтому всего «пятнашку» заплатим, Валь!

Моё лицо подсказывает Адке всё, что я думаю о матушке-берегине Аксинье и её расценках.

– Скинемся пятьдесят на пятьдесят? – добавляет она.

В общем, наказываю Николаю сидеть дома тихо, гадить исключительно в строго отведённый для этих дел таз и не открывать дверь Серому Волку ни под каким предлогом, да и вообще никому не открывать. В очередной раз вызываю такси…

5. Девятка в квадрате. Нет, в кубе…

В салоне «эконома» я занимаюсь тем, что раскладываю в рюкзачке разную мелочь по кармашкам. Шарик заговорённый сунула так, без коробки, и теперь боюсь, как бы не разбился.

Заодно поочерёдно набираю завтрашних клиентов по телефону, оправдываюсь, отменяю записи. Получаю волну скрытого и открытого недовольства: шеи, спины, целлюлит – сами себя не разомнут.

Благо ехать далеко, можно решить некоторые вопросы.

Адка – бизнесвумен, у неё два пункта выдачи заказов в арендованных помещениях. Она мечтает выкупить хотя бы одно из них. Как и я, мечтаю о собственной массажной студии, где буду выполнять функции руководителя, оставив себе лишь пару клиентов, потому что руки и поясница порой молят об отдыхе. Ещё вчера я рассчитывала на кредит, думала, Николай, если что, подстрахует. Больше не рассчитываю.

Адка раздаёт своим сотрудникам ценные указания в рабочем чате, затем звонит сыну:

– Сыночка, я к вам завтра не приду! Как там моя золотая девочка? Пришлите хоть Васькину фотку.

Василиса – полугодовалая внучка её, поэтому сыночка тоже недоволен остаться с женой даже на короткое время без поддержки заботливой бабушки. Он обиженно выговаривает матери.

– Ну как люди по магазинам вместе с детьми ходят?! Или по очереди! – выходит она из себя и орёт в трубку. – Всё, не теряйте, у Валюшки юбилей, мы в загуле!

Слово «загул» к нашей ситуации подходит идеально.

– Я тоже человек! – сообщает она мне между делом. – У меня приключения!

– Ад, – пихаю подругу в бок и взглядом показываю на водителя.

– С бодунища мужик? – читаю по её губам.

Мне так тоже поначалу показалось, уж сильно он весь измятый, как будто спал в коробке из-под холодильника. Но запаха перегара в салоне нет! Ведёт машину резко, агрессивно, мне такие водители не нравятся. Я пристёгиваюсь ремнём.

– Вы бы поаккуратнее! – Адка делает замечание, когда мы в очередной раз кого-то подрезаем.

Таксист ничего не отвечает, но я вижу, как в зеркале заднего вида отражаются его глаза. И во взгляде этом читаю не ожидаемое раздражение, а скорее, внимательное любопытство. А что в нас любопытного? Мы даже без козла!

– А вы навигатором не пользуетесь, да? – не унимается Аделаида.

– Ага, – коротко бросает он и пожимает плечами.

И правда, непривычно как-то, чтобы таксист да без закреплённого на подставке телефона с приложением и навигатором! Какой-то ретроводитель нам попался, старых понятий.

Высаживает нас ровно возле бизнес-центра, пестрящего самыми разными вывесками. У входных дверей стоит большая распорка. С баннера на распорке благостно глядит матушка-берегиня Аксинья в белом балахоне и искусно намотанном на голову в виде чалмы платке, заманивает обещаниями: «Исцелю душу, дам совет, помогу решить проблемы. Оф. 3–36».

– Третий этаж! – тянет меня Адка, и мы сначала тыкаемся в табличку «Лифт не работает», затем поднимаемся по лестнице, ориентируясь по указателям.

– Добрый день, вы по записи? – девушка-администратор встречает нас сразу за дверью.

– На 19:30, – отвечаю я.

– Надевайте бахилы, подходите к стойке.

Мы честно выполняем инструкцию, девушка быстро проговаривает:

– К оплате пятнадцать тысяч рублей. Оплата производится сейчас. Вам необходимо заполнить согласие на обработку персональных данных. Приём длится двадцать пять минут. Претензии по содержанию и характеру консультации не принимаются. Услуга не предполагает возврата средств. К матушке-берегине Аксинье необходимо обращаться с уважением, называть её «матушка», не выказывать скептического настроя, не перебивать, магический инвентарь без разрешения не трогать, в ином случае консультация может завершиться досрочно.

Я чувствую, что у меня уже от одних этих инструкций зубы сводит, но раз уж приехали, заполняю все бумаги. Ада прикладывает карту к терминалу, в этой сумме, если что, мои кровно заработанные семь пятьсот.

Спустя минут пятнадцать ожидания на дерматиновом диване нас приглашают за занавешенную красной шторкой дверь.

Мы проходим в неё и оказываемся в полумраке, где царит тяжёлый запах тлеющих ароматических палочек. По обстановке трудно понять, к какому вероисповеданию относится Аксинья: гадальные карты всех видов, шары, книги предсказаний, доски здесь соседствуют с иконами и крестами. На полках – вазы с птичьими перьями, банки с травами, благовония и свечи.

Я так полагаю, что матушка-берегиня в методах работы не особенно разборчива: помогает, чем придётся.

На столе в углу стоят вполне прозаичные ноутбук и принтер.

Сначала мы слышим тяжёлый кашель, затем из-за ширмы появляется сама Аксинья. В таком же, как на баннере, белом балахоне и платке, из-под которого торчит краешек поролоновой бигуди. Матушка быстрым движением руки заправляет бигудь (бигудю?!) под чалму и складывает ладони у груди в жесте «намасте».

– С кем работать будем? – хрипловато спрашивает она, и моё по жизни обострённое обоняние улавливает запах фруктовых электронных сигарет и мятной жвачки. Выглядит она старше, чем в рекламе или по телевизору. В глаза бросается слишком яркий и неаккуратный макияж.

– С нами! – делает шаг вперёд Адка.

– Подождите, у меня отмечено, что оплачено только за одного человека, – Аксинья поджимает губы. – Кто объект?

– Она! – Адка тычет в меня пальцем.

– Я, – подтверждаю.

– Подруга будет присутствовать? – Аксинья по-московски тянет звук «а», почему-то меня это раздражает. Мне вообще здесь некомфортно, но я гашу в себе этот дискомфорт.

– Да, мы вместе.

Матушка пожимает плечами.

– Какая у вас проблема?

Я зависаю, перебираю в уме, что именно ответить.

– Ну с чем пришли-то, женщина?

– Муж изменяет, уже полгода, – выдаю, как есть, но про козла пока умалчиваю.

– Ага. Щас посмотрим. Вставайте ровно, руки вниз, спина прямая.

Она берёт с полки пучок травы, поджигает его зажигалкой и начинает окуривать меня едким дымом. Я терплю. – Вижу дыры в ауре, работали с вами, женщина работала. Дилетантка.

– Рыжая такая бабёнка? – не выдерживает Аделаида.

– Да, да, вижу, такая рыжеватая, – прикрыв глаза, мычит Аксинья.

Трава вдруг вспыхивает огнём в руках Аксиньи, та от неожиданности отскакивает, я тоже – будто искра за шиворот прилетела.

– Пойдёмте, – Аксинья садится за стол, надевает очки и шевелит компьютерной мышью. – Дата рождения. Время знаете?

– Шестое декабря тысяча девятьсот восьмидесятый, – называю я дату своего рождения.

– С днём рождения! – бросает Аксинья совсем непразднично и вбивает дату моего рождения в какую-то программу. – Девяточка!

Хмыкает она.

– Точное время своего рождения знаете? – ещё раз спрашивает она.

– Знаю, девять утра.

– Это сколько лет исполнилось сегодня?

– Сорок пять!

– Карту тяните, – суёт мне под нос колоду замусоленных «Таро». – Одну! На себя.

Я достаю из середины колоды карту: на ней изображён нищий дед в рясе и с фонарём в руке.

Уже заранее чувствую, что карта так себе. Нет бы, женщину какую красивую вытянуть или короля со скипетром!

– Опять девятка. Отшельник! – говорит Аксинья скорее себе, чем мне. Потом смотрит в ноутбук, размышляя над тем, что ей выдала программа.

Мне тоже страсть как хочется туда заглянуть.

Затем Аксинья выдаёт:

– Минуту ждите, нужно сделать срочный звонок! – и, схватив телефон, спешно выходит из комнаты.

– Быстро фоткай, что там на компе! – громко шепчет мне Аделаида.

– Ты что, совсем? – шепчу я ей, а из-за стены слышно, как Аксинья несколько раз кому-то повторяет «девятка» и «холодная луна».

– Это ты совсем! – шипит подруга. Мы бурно препираемся, кто из нас сильнее «совсем».

– Да блин! – не выдерживает Адка.

Она бежит к ноутбуку и делает фото экрана, затем прокручивает мышкой страницу и ещё раз фотографирует, случайно смахивая мелкие и запылённые безделушки с края стола. За дверью слышны шаги матушки-берегини...

6. Седина в голову

Аксинья возвращается, мы с Аделаидой уже сидим на исходных позициях, как будто даже слегка заскучавшие.

– Что же, Валентина, – обращается матушка-берегиня ко мне. – Надобно порчу снимать!

– А порча точно есть? – интересуюсь осторожно.

– Ну, к примеру, электроприборы нормально работали в последнее время?

– Нормально, если не считать взбесившейся кофемашины, сгоревшего чайника… Ой, – на ум приходит ещё холодильник из квартиры Аллы Т.

Берегиня кивает.

– Порча, как она есть. Если не снять сейчас, дальше будет хуже.

– Матушка-берегиня, – робко подаёт голос со стульчика Ада, – а порча она сильно дорого снимается?

– Сильно, – бросает целительница. – Но, принимая во внимание, что у вас уже запущенный случай, дело жизни и смерти, начнём бесплатно.

Адка в ужасе прижимает ладонь ко рту. Я вздыхаю.

Слово «бесплатно» мне нравится значительно больше, но больно уж этот аттракцион неслыханной щедрости не в стиле матушки-берегини. Решаю, что это очередная уловка: если начнёт разводить на следующий сеанс – соглашусь и не приду.

– Валентина, садись сюда, – она ставит стул в центр комнаты. – Подруга ожидает в приёмной.

– Мы ж вместе! – возмущается Аделаида.

– Хочешь, чтобы энергетическая параша на тебя перелезла? – грозно спрашивает магиня. Адку сдувает в одно мгновение, только дверь хлопает.

Аксинья тем временем подходит к большому стеллажу и бесконечно долго копается в нём, пока не выуживает запылившуюся тяжёлую шкатулку из зелёного камня, малахит, что ль? Стряхивает кое-как с неё пыль и ставит мне на колени. Открывает крышку, командует:

– Руки окунай, чтобы кончики пальцев коснулись дна.

Я так и делаю. Стенки у шкатулки изнутри прохладные, гладкие, а вот дно шершавое, царапает кожу.

Берегиня начинает вокруг меня круги наворачивать и бормотать какой-то набор слов, даже и не слов, а абракадабру разную, что-то пришёптывает, ладошками прихлопывает, ножками притопывает.

Мой небольшой дискомфорт сменяется внутренним набатом в голове: происходит что-то неправильное.

В довесок, у меня как будто от всей этой Аксиньиной беготни вокруг появляется ломота в висках, кружится голова и по телу разливается такая слабость, что шкатулку трудно держать. Но не сбросишь! Пальцы будто ко дну присосались, кончики покалывает, подушечки пробивает пульсацией, как после переохлаждения.

Чувство такое, что порчу не снимает она с меня, а, наоборот, наводит!

– Ада! – я пытаюсь крикнуть подругу, но голос не слушается. Сахар упал, давление, что происходит?

– Ну давай, давай! – бормочет берегиня. – Жалко тебе, что ли?

Я вижу в её глазах алчный блеск: вот-вот желанную конфетку получит!

Из самых скрытых недр моего организма поднимается волна сопротивления. Чувствую, как в воздухе появляется уже знакомый искрящийся морозный аромат. Обстановка в комнате накаляется до предела. Я вдруг осознаю, что кричу на каких-то немыслимо высоких для себя нотах.

Шкатулка со звонким «чпоком» отлепляется от рук, на скорости летит в Аксинью и бьёт её под нижнюю челюсть. Та мычит от боли, схватившись за подбородок, приваливается к стене.

Я, не чувствуя ног под собой, на ощупь выползаю из этой комнатушки. Перед глазами водят хороводы сияющие мушки.

– У вас всё в порядке? – откуда-то сбоку возникает администратор, я обхожу её сгорбленным конём.

– Валь, что случилось? – с диванчика поднимается навстречу Адка. Я висну на её руке и, кажется, кричу, а на самом деле еле шевелю губами:

– Бежим, Адка, быстро бежим!

Ада хватает куртки, героически принимает мой вес на себя и тащит прочь из целительского центра матушки-берегини. Посреди коридора она вдруг встаёт.

– Стоп!

– Чего?

– Бахилы снять забыли!

О господи!

– Уходим!

Ковыляем с ней по лестнице, на улице кое-как одеваемся. Я надеюсь, что подруга вызовет такси по телефону, так будет быстрее, чем тыкаться в приложение и ждать, когда примут заказ.

Уже совсем стемнело, но огней вокруг много: вывески мигают, фонари, новогодние гирлянды включили. Адка не успевает набрать номер и сказать «Алло», как к нам подъезжает машина с шашечками.

– Какой адрес? – приоткрывает окошко водитель.

– Флагманская, 11.

– Садитесь.

Мы валимся на заднее сиденье, водитель даёт по газам. Меня всё ещё колбасит, хотя на улице казалось, что чуть отпустило.

– Дайте подруге, – бросает водила Адке что-то мелкое.

– Спасибо! – Ада передаёт мне конфетку в фольге. – А мне? – требовательно спрашивает она.

– У меня только одна, извините.

Я сначала раскусываю конфету, чувствуя на языке чистый мёд, аж горло жжёт от сладости, а после уже думаю, что даже детям известно: у незнакомых дяденек конфеты брать – табу!

Но кажется, сейчас это для меня то, что доктор прописал. Тошнота проходит, головная боль стихает, слабость всё ещё остаётся, но голова соображает на порядок яснее. Я даже пытаюсь отыскать на сиденьи свою шапку, но, вероятно, оставила её в подарок Аксинье.

– Что случилось-то? – спрашивает меня Адка. – Сняли порчу?

– Да как бы не навели, – отвечаю. – Дома расскажу!

Чтоб я ещё раз повелась на Адкины эзотерические идеи!

– Ой, Валь! – смотрит на меня Адка в удивлении.

– Что опять? – отвечаю недовольно, я на неё злюсь.

– Что это у тебя?

– Где?

Аделаида достаёт из сумочки пудреницу и раскрывает ко мне зеркалом. В темноте салона я не сразу понимаю, в чём дело, а потом доходит: приличная прядь волос возле лица стала совершенно белой, поседела разом, и в моих собственных русых волосах, мелированных на пару тонов светлее, чтобы скрыть только начавшуюся седину, выглядит так себе.

Разговаривать нет желания, но Адка и молчание – несовместимые вещи. Она начинает ковырять таксиста:

– А вы почему опять приехали? Ждали нас?

По голосу слышу – кокетничает, это у неё встроенная функция. А ведь водитель действительно тот же, что нас до бизнес-центра вёз.

Он не из разговорчивых, поэтому вместо ответа откашливается и делает вид, что не слышал.

– Что, заказов не было? И как сейчас с заработком? Цены-то у вас даже в “экономе” уровня о-го-го.

– Да уймись ты уже! – шлёпаю ей варежкой по ноге. Хочется доехать до дома в тишине.

– А вам деньги переводом можно отправить? Наличка закончилась, – продолжает Аделаида.

Я уже специально слежу за реакцией мужчины.

– Переводом? – переспрашивает он.

– По номеру телефона, какой банк? – уточняет Ада.

Почему-то вопрос этот ставит водителя в тупик. Изучаю его с прищуром: он у меня под подозрением, пока не могу сказать точно, в чём, но что-то с ним не то.

Внешне человек из тех, мимо кого взгляд обычно скользит и не запоминает: ни красив, ни страшен, самый обыкновенный. Крупный, плечистый, плотный такой мужик лет пятидесяти, с

тем самым лицом, которое, кажется, родилось уже уставшим. Щёки небрито-серые, подбородок мощный, нос картошкой, губы узкие. Волосы короткие с частой проседью. Бежевый свитер грубой вязки, на переднем пассажирском лежит короткая дублёнка – у моего отца похожая была когда-то давным-давно, когда деревья были большими, а я маленькой.

– Диктуйте номер, я переведу! – Адка помахивает телефоном.

У мужичка в пойманных зеркалом глазах – натуральная паника!

Я копошусь в рюкзаке, вынимаю всю наличность, что есть, и спрашиваю у него:

– Четыреста хватит?

– Вполне! – оборачивается мельком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.